

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра истории русской литературы

Выпускная квалификационная работа на тему:

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕРНОГОРЦЕВ

В РУССКИХ ТРАВЕЛОГАХ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Направление 032700 «Филология»

Выполнил: студент

Елизавета Павловна Ольховая
Научный руководитель: к.ф.н., ст. преп. Зубков Кирилл Юрьевич
Рецензент: к.ф.н., ст. преп. НИУ ВШЭ,
Научный сотрудник ИРЛИ РАН Бодрова Алина Сергеевна

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Вступление.....	3
Глава 1. Развитие образа «черногорца» с начала XIX века до 40-х годов.....	9
Глава 2. Путешествия в Черногорию в контексте типологических особенностей русского травелога середины XIX века. Изменения в структуре текстов.....	16
Глава 3. Черногория на карте. Образ черногорца.....	26
Заключение.....	39
Список литературы.....	41
<i>Источники</i>	41
<i>Научная литература</i>	41

Вступление

Путешествие как объект изучения дает исследователю очень широкие возможности. Травелог представляет собой важный материал и для историка, и для этнографа, и для антрополога, и для филолога. Употребляя термин «травелог», мы следуем за Е. Р. Пономаревым. В предисловии к своей монографии «Типология советского путешествия» он подробно разбирает проблемы научной терминологии в исследованиях путешествий и приходит к выводу, что наиболее удачным термином для обозначения реально произошедшего путешествия, отображенного в тексте будет «травелог»:

Соединение путешествия и «логоса» дает нам некое «знание о поездке». <...> Помимо удачности и нужной широты коннотаций, он, в общем-то, понятен россиянину, ибо «логос» восходит еще к основам русской книжности, а *travel* стало привычной реалией последних лет¹.

В работах, посвященных травелогам, можно выделить два основных аспекта, на которых чаще всего концентрируются исследователи и которые для нашей работы являются наиболее важными: идеологический аспект (сюда входят исследования, посвященные образу «другого», т.е. те, где речь идет о «ментальных картах» и иных имагологических проблемах) и жанровый аспект (в том числе работы, посвященные поэтике путешествия).

¹ Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов: монография. СПб., 2011. С. 7.

Перед тем как начать описание исследований, посвященных идеологии путешествия, стоит оговорить, что мы понимаем идеологию в наиболее общем смысле — как систему представлений об устройстве и функционировании мира. Исследования, посвященные идеологии путешествия, концентрируются в основном на имагологическом аспекте — на тех механизмах, с помощью которых в культуре создаются и функционируют образы «другого». Столкновение с другим, непривычным жизненным укладом неизбежно вызывает у путешественника желание сравнить чужое со своим, «другого» с «собой», поэтому любая репрезентация другой местности или социальной среды всегда — попытка ментального картографирования². Этот аспект путешествия начал разрабатываться ранее остальных, исследование «ментальных карт» и образов «другого» с тех пор продвинулось далеко и на разном материале.

Огромный вклад в развитие имагологии внесла постколониальная теория. Для нашей работы, исходя из специфики региона, наиболее важными оказываются работы о формировании образа «Востока», «Восточной Европы» и «Балкан». Одно из знаковых исследований на эту тему, без упоминания которого не обходится практически ни одно исследование «ментальных карт», — «Ориентализм» Эдварда Саида (Edward Said) (1978, русский перевод — 2006)³. Саид берет за основу концепцию власти Фуко, который определяет власть как «множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации»⁴. Саид определяет ориентализм в широком смысле как «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии «Востока» и (почти всегда) «Запада»», а в узком — с конца XVIII века — как «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком»⁵.

² Шенк Ф. Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 42–61.

³ Саид, Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 191–192.

⁵ Саид, Эдвард В. Указ. соч. С. 9.

Несмотря на свою довольно высокую политизированность, труд Саида послужил толчком к более подробной разработке «ментальных карт» вообще и идеологии путешествия в частности. В 1994 году выходит книга Ларри Вульфа (Larry Wolff) «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (русский перевод — 2003⁶), во многом полемическая по отношению к Саиду, но тем не менее им инспирированная. В 1999 выходит работа Ивэра Нойманна (Iver Neumann) «Использование “Другого”. Образы Востока в формировании европейских идентичностей» (русский перевод — 2004)⁷. Из исследований, посвященных Балканам, можно выделить работу Марии Тодоровой (Maria Todorova) «Воображая Балканы» (1997)⁸, где ею было сформулировано понятие «балканизм» как своеобразный извод «ориентализма». Также необходимо упомянуть концепцию «nesting orientalisms» Милицы Бакич-Хайден (Milica Bakić-Hayden)⁹, согласно которой практически любые народы склонны видеть культуры к югу и востоку от себя как более примитивные, и, таким образом, те, кто создает для себя «восточного другого», сами могут подвергнуться «ориентализации».

В данной работе идеологическая проблематика также занимает одно из центральных мест, однако интересует она нас не столько сама по себе, сколько в связи с поэтикой травелога.

⁶ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

⁷ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

⁸ Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York, 1997.

⁹ См., например, ст.: Bakić-Hayden, M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // *Slavic Review*, Vol. 54. № 4 (Winter, 1995). P. 917–931.

По сравнению с большим корпусом исследований, посвященных идеологическому аспекту травелога, его поэтике посвящено не так много работ. На русском материале лучше всего исследованы так называемые «литературные путешествия», причем ученые в основном обращают внимание на травелоги писателей первого и второго ряда. Также недостаточно исследован корпус текстов, которые можно условно назвать «этнографическими путешествиями». Одной из первых попыток типологизации путешествий является статья Т. Роболи «Литература «путешествий», напечатанная в сборнике «Русская проза» (1926)¹⁰. Также нельзя не упомянуть статью Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры»¹¹. В позднесоветское время проблему жанровой характеристики путешествия разрабатывали В. М. Гуминский¹², Е. С. Ивашина¹³, Н. М. Маслова¹⁴, В. А. Михельсон¹⁵, С. Н. Травников¹⁶. Для изучения жанровых особенностей русских путешествий середины XIX века научную ценность представляет диссертация Е. Г. Проценко «Литература “путешествий” в России в 1840-1850-е годы»¹⁷. Из англоязычных исследований в первую очередь нужно упомянуть сборник статей «The Cambridge Companion to Travel Writing»¹⁸. Также можно отметить, работы Дэвида Скотта (David Scott)¹⁹ и Перси Адамса (Percy G. Adams)²⁰, Андреаса Шёнле²¹.

¹⁰См. переиздание: «Младоформалисты»: Русская проза / Сост. Я. Левченко. СПб.: Петрополис, 2007.

¹¹Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 484 — 564.

¹²Гуминский В.М. Открытие мира, или Путешественники и странники. М., 1987.

¹³Ивашина Е.С. О специфике жанра путешествия // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16.

¹⁴Маслова Н.М. Путевой очерк: проблемы жанра. М., 1980.

¹⁵Михельсон В.А. «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону, 1974.

¹⁶Травников С.Н. Путевые записки петровского времени (Проблема историзма): Учебн. пособие. М., 1987.

¹⁷Проценко Е.Г. Литература «Путешествий» в России в 1840-1850-е годы. Дисс. на соис. уч. степ. канд. филол. н. Л., 1984.

¹⁸The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

¹⁹Scott, D. Semiotics of Travel. From Gautier to Baudrillard. Cambridge, 2004.

²⁰Adams P. G. Travel Literature and the Evolution of the Novel. Lexington, 1983.

²¹Шёнле, Андреас. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840. СПб., 2004.

Итак, можно сказать, что в данной работе мы будем говорить в основном о связи идеологии (и имагологии) и поэтики и об их взаимном влиянии. Мы попытаемся определить, как под влиянием идеологии меняются методы изображения Черногории и черногорцев и, наоборот, как предшествующий 1840-м годам «канон» описания черногорцев влияет на экспликацию идеологических представлений авторов. Данный период — 40–50-е гг. XIX века — представляет для нас большой интерес, поскольку именно в это время под влиянием воззрений славянофилов происходят значительные трансформации в образе славянина вообще и черногорца в частности. Наиболее заметно это становится к 50-м годам XIX в., когда в условиях смягчения цензуры славянофилы получают возможность печатно обсуждать и формулировать свою концепцию международных отношений (важной частью которых были идеи единства славянских народов, по крайней мере, православных). Эта концепция впоследствии влияет уже и на репрезентацию образа черногорца писателями, не принадлежавшими к славянофильскому движению.

Материалом для нашего исследования послужат опубликованные в 40-е и 50-е гг. «черногорские» травелоги русских путешественников. Нам интересно, какое положение Черногория занимает на «ментальной карте» путешественника середины XIX века, и как взаимное влияние идеологии и поэтики обуславливает методы изображения черногорцев в травелогах 40-50-х гг. XIX в. **Актуальность** данной работы обуславливается двумя факторами: во-первых, недостаточной исследованностью материала в приведенном выше аспекте; во-вторых, в связи с качественными изменениями литературного процесса середины XIX века, важное место занимает вопрос о взаимовлиянии внутри- и внелитературных факторов. Таким образом, **целью** нашей работы является определение характерных черт поэтики, мотивов и образов «черногорского» травелога 1840 — 1850-х годов, связанных с описанием Черногории и черногорцев; анализ того, как связана поэтика «черногорского» травелога 1840 — 1850-х годов с эксплицируемой в текстах идеологией. Исходя из поставленных целей, в наши **задачи** входит:

- провести анализ вышеперечисленных травелогов;
- определить особенности их поэтики;
- провести анализ «ментальных карт» вышеперечисленных травелогов;
- изучить особенности системы топосов, связанных с понятиями «Черногории» и «черногорца» в 1840-50-х годах XIX века;
- сопоставить сделанные выводы с культурно-историческим контекстом эпохи середины XIX века.

В соответствии с данными задачами работа будет построена следующим образом:

- В первой главе нашей работы мы, обратив внимание на всплеск южнославянских травелогов в середине XIX века, характеризуем корпус исследуемых нами текстов и даем краткую характеристику им и их авторам.

- Во второй главе мы рассматриваем особенности композиции и систему повествования в данных текстах и пытаемся объяснить, чем обусловлена тенденция к усилению публицистического элемента в данных текстах в 50-х годах XIX века.
- Третья глава состоит из трех частей. Первая — вводная — часть посвящена обзору развития образа черногорца от начала XIX века до 40-х годов. Во второй части мы пытаемся понять, каким образом и почему меняется место Черногории на карте Европы в представлении путешественников XIX века. В третьей части анализируются топосы, связанные с традицией изображения черногорца в середине XIX века, и исследуются изменения в топической структуре данных образов.

Глава 1. Развитие образа «черногорца» с начала XIX века до 40-х годов

В начале XIX века опубликованных путешествий по южным славянским странам было немного. В 1816 г. Павел Петрович Свиньин издает «Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря»²², где дает краткое описание Черногории. Одним из первых черногорских травелогов — и, пожалуй, самым известным путешествием по Черногории первой трети XIX века — были «Записки морского офицера» Владимира Богдановича Броневского²³. Броневский участвовал во Второй Архипелагской экспедиции и во время стоянки в Которе совершил поездку в Цетине, тогдашнюю столицу Черногории, где пробыл три дня.

Вообще Черногория в первой половине XIX века была одной из наиболее редко посещаемых славянских стран. Этому способствовала, по-видимому, территориальная недоступность Черногории (практически единственный удобный путь тогда — через Котор (Каттаро), который тогда принадлежал Австрии) и тамошняя беспокойная обстановка: маленькие стычки как с турками, так и с австрийцами были обычным делом и периодически разворачивались в полномасштабные войны. Егор Петрович Ковалевский в 1841 году в предисловии к травелогу «Четыре месяца в Черногории» писал:

²² Свиньин П. П. Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря // Сын Отечества. 1816. Ч. 34. № 47.

²³ Броневский В. Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д.Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818-1819. Ч. 1-4.

Гибон сказал: «Албания, которую можно видеть с берегов Италии, менее известна, чем внутренность Америки». Он был прав, особенно применяя слова свои к Черногории, которая и теперь на географических картах носит чуждое ей имя Турецкой Албании. Естественные трудности, представляемые краем, недоверчивость жителей его к чужеземцам и те понятия, которые составила о нем образованная Европа, заградили путь в Черногорию для путешественников и искателей счастья, нередко встречаемых в отдаленных провинциях Азии и Африки. Весьма немногие достигали до Цетина, местопребывания владыки, и только я один, покровительствуемый народом и обстоятельствами, проникнул в отдаленные провинции Берди²⁴.

В 40-х гг. XIX в., однако, происходит всплеск публикаций «южнославянских» травелогов. Во многом это связано с изменениями в жанровых характеристиках травелога того времени. Причин тому было несколько. Во-первых, повышенное внимание к путешествию может быть обусловлено оформлением российской этнографии. Во-вторых, Е. Г. Проценко считает, что одной из причин может быть то, что путешествие в середине XIX века становится одной из платформ, в рамках которых обсуждаются социально-политические вопросы:

В 40-е годы — на этапе интенсивного размежевания сил в русской общественной и литературной мысли по вопросу о путях дальнейшего развития России — жанр «путешествий» оказался удобным для выявления и обоснования общественно-политических позиций многих авторов, часто являвшихся к тому же видными общественными деятелями. В этот период проблема «Россия и Запад» обсуждалась так остро, как никогда прежде. Многочисленные «путешествия» способствовали, в частности, формированию в русской публике определенных (и зачастую полемически ориентированных) представлений о Европе²⁵.

²⁴Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории // Ковалевский Е.П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Черногория и славянские земли. СПб., 1872. С. 3

²⁵Проценко Е. Г. Литература «путешествий» в России в 1840–1850-е годы. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. Л., 1984. С. 37.

Развитие южнославянского травелога в первую очередь связано с возникновением и развитием славянофильского движения: большая часть опубликованных в 1840–1850-е годы путешествий по южнославянским странам принадлежит его участникам. В это время, например, были опубликованы путевые заметки по Боснии А.Ф. Гильфердинга²⁶, «Путешествие по землям западных и южных славян» В. А. Панова²⁷ (1844) и др. Также, по-видимому, на актуальность балканской темы вообще и «южнославянской» в частности повлияли назревающие войны южных славян за независимость, борьба России с Турцией и Австрией за влияние на Балканах и, позже, Крымская война 1853–1856 гг.

«Черногорские» травелоги также не оказались исключением из общего правила. В 1841 году выходит отдельным изданием «Четыре месяца в Черногории» Е. П. Ковалевского²⁸. Ковалевский Егор Петрович (1809 – 1868) — горный инженер, дипломат, путешественник, писатель, директор азиатского департамента МИДа в 1856 – 1861 гг., один из основателей в 1859 г. Литературного фонда («Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым»). Больше всего Ковалевский известен своей работой «Граф Блудов и его время» (1866) и путешествиями, самые известные из которых — «Странствователь по суше и морям» в 3-х частях (СПб., 1843–1845), где описаны путешествие по Средней Азии, Карпатам и Болгарии, и «Путешествие во внутреннюю Африку» (СПб., 1849).

²⁶ Гильфердинг А. Ф. Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. № 1–4; 1859. № 1–2.

²⁷ Панов В. А. Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации. М., 1844.

²⁸ Ковалевский Е. П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.

В Черногории Ковалевский бывал неоднократно: в 1837 г. по просьбе владыки Черногории Петра II Негоша он был направлен туда для поиска золотоносных отложений и провел там около четырех месяцев; после, в 1853 г., был послан уже в качестве дипломата, чтобы вместе с представителем австрийского правительства начать мирные переговоры между Черногорией и Турцией. Записки о путешествии 1837 г. легли в основу «Четырех месяцев...»²⁹.

²⁹ См.: *Баскаков В. Н.* Ковалевский Егор Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 576–577.

В 1845 году в № 7-8 журнала «Москвитянин», были опубликованы «Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году»³⁰ Ф. В. Чиждова. Федор Васильевич Чижов (1811–1877) — предприниматель, публицист и искусствовед, с 1858 г. — издатель журнала «Вестник промышленности». До 40-х гг. он был профессором математики Петербургского университета, в 1840 г. Чижов оставляет университет и уезжает за границу. С 1840 по 1847 г. он практически все время живет за границей, преимущественно в Италии. В 1842 г. Чижов знакомится с Н. М. Языковым, от которого он узнаёт о славянофилах, зиму 1842–1843 гг. они живут в одном доме. Чижов в это время занимается историей искусств и собирает материалы для книги по истории Венецианской республики. Чтобы осмотреть бывшие владения Венеции, он затевает свое первое путешествие по славянским землям: путешествие длилось с конца июля по начало сентября 1843 г. и охватило территории Истрии, Далмации и Черногории. В этом же году он знакомится с Василием Елагиным, сводным братом славянофилов Ивана и Петра Киреевских, и со славянофилом Александром Поповым. В августе 1844 г. Чижов ненадолго едет в Перой (Истрия), куда он доставил церковную утварь и богослужебные книги для местной православной церкви. С мая по август 1845 г. Чижов совершает большое путешествие по Балканам с целью собрать материал для книги по истории южных славян. В это путешествие он посетил Словению, Хорватию, Военную Границу, Словакию и Сербию и через Будапешт, Вену и Польшу вернулся в Россию. В 1846 г. Чижов едет в Москву, где знакомится с другими членами кружка славянофилов. В 1847 г. он еще раз посетил Истрию, и после этого в славянских странах он уже не был. В мае 1847 г. на въезде в Россию по подозрению в причастности к Кирилло-Мефодиевскому обществу, он две недели проводит под следствием в Третьем отделении и в июне уезжает в ссылку на Украину. В 1857 г. Чижов переезжает в Москву и получает разрешение на издание журнала «Вестник промышленности» (начал

³⁰ Чижов Ф. В. Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. № 7–8.

издаваться в 1858 году). Тогда же (в 1857 г.) в славянофильском журнале «Русская беседа» (№ 1–2) опубликован травелог Чиждова «Записки путешественника по славянским странам». В 60-е годы и позже занимается в основном предпринимательством, но также, например, участвовал в издании газеты Ивана Аксакова «День» (1861 – 1865)³¹.

В 1847 г. отдельным изданием было опубликовано «Путешествие в Черногорию» Александра Николаевича Попова³² (А. Н. Попов — историк, славянофил, в Черногории был в 1842 г. в рамках большого путешествия по славянским странам). В 1835 г. Попов поступил на юридический факультет Московского университета. Там он был товарищем К.С. Аксакова, Ф.И. Буслаева, Д.А. Валужева, М.Н. Каткова, Ю.Ф. Самарина, старших сыновей графа С.Г. Строганова Александра и Павла. Там же Попов сблизился с членами нарождавшегося в то время кружка славянофилов. Наиболее близок и дружен он был с А.С. Хомяковым, Ю.Ф. и Д.Ф. Самаринскими, семейством Елагиных, В.И. Пановым, Д. А. Валужевым, Аксаковыми, Кириевскими, позднее с А.Ф. Гильфердингом.

В 1842 г., после получения магистерской степени, Попов отправился в двухлетнее путешествие по Европе, побывав в Германии, Италии, Франции, Австрии, Черногории.

В 1845 г. Попов поступил в 1-й департамент Сената, а с 1846 г. и до конца жизни прослужил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое занималось кодификационно-правовыми вопросами.

Во время своей службы Попов участвовал в издании памятников русской истории, занимался научной деятельностью и написал несколько работ исторического, историко-юридического и искусствоведческого характера.

³¹ См.: *Сурнина Е. А.* Ф. В. Чижов — журналист (журнал «Вестник промышленности», газета «Акционер»). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. М., 2010.

³² *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.

Многие годы он был действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском университете, а также действительным членом Русского географического общества.

Также он работал в Русском историческом обществе. Основным результатом этой работы явилось издание «Сборника» фундаментальных исторических документов и материалов.

7 декабря 1873 г. Попов был избран членом-корреспондентом Академии наук по разряду историко-политических наук Историко-филологического отделения.

При жизни ему удалось в «Журнале Министерства народного просвещения» опубликовать статью «Сношения России с европейскими державами перед Отечественной войною 1812 года» — большой фрагмент, который впоследствии стал рассматриваться как первый том монографии о войне 1812 года, и три фрагмента в журналах «Русский архив» и «Русская старина»: «Москва в 1812 году», «Французы в Москве в 1812 году» и «От Малоярославца до Березины» (публикация последнего фрагмента завершилась в ноябре 1877 г.).

Три первых фрагмента были высоко оценены критикой и удостоены Уваровской премии за 1877 г.³³

³³ См.: *Никитин С.А., Савицкий В.В.* Русский историк А.Н. Попов и его монография «Отечественная война 1812 года» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009.

В 1856 г. начинает издаваться славянофильский журнал «Русская беседа» (1856–1860), в нем в № 1–2 за 1857 г. были напечатаны «Заметки путешественника по славянским землям» Чижова³⁴. В том же журнале в № 1 (1858) и № 5 (1859) напечатан еще один травелог Ковалевского, «Путевые записки о славянских землях»³⁵. Он состоит из двух частей: первая написана в мемуарном ключе и в обобщенном виде описывает дорогу от Триеста до Каттаро. Вторая часть представляет собой воспоминание о конкретной поездке Ковалевского в 1853 году, когда, после нападения Омера-паши на черногорцев, он был отправлен туда комиссаром и вел мирные переговоры.

Если рассмотреть эти тексты, можно выделить несколько траекторий, по которым движутся «черногорские» травелоги в 40-50-х гг.. Во-первых, это изменения на уровне композиции. Во-вторых, это изменения имагологической структуры текста, которые выражаются в основном на мотивном уровне. В соответствии с выдвинутыми предположениями будет строиться работа.

³⁴ Чижов Ф. В. Заметки путешественника по славянским странам // Русская беседа. 1857. № 1–2.

³⁵ Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1858. № 1; 1859. № 5.

Глава 2. Путешествия в Черногорию в контексте типологических особенностей русского травелога середины XIX века. Изменения в структуре текстов.

К 40-м гг. XIX в. русский травелог претерпевает некоторые изменения по сравнению с ранней традицией путешествия. Е. Г. Проценко в своей диссертации говорит о переплетении нескольких типов путешествия. В первой четверти XIX века наблюдается «резкая поляризация типологических разновидностей жанра»³⁶: вместе с распространением «сентиментального путешествия» наблюдается «максимально возможный отход литературной разновидности жанра от принципов, оснований и традиций научно-документального описания путешествия»³⁷. После «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина традиция «чувствительного путешествия» медленно сходит на нет и к 20-30-м годам XIX века сводится к набору клише. К этому же времени относится распространение в русской литературе романтического «путешествия» (одним из наиболее удачных примеров которого являются «Кавказские очерки» А. А. Бестужева-Марлинского) и зарождение и складывание поэтики реалистического «путешествия» (Проценко связывает начало и одновременно пик этого типа травелога с «Путешествием в Арзрум» А. С. Пушкина).

В 40-х гг. XIX в., однако, на типологические характеристики травелога начинает влиять поэтика натуральной школы и в целом «реалистической художественной прозы 40-х годов с ее тяготением к очерково-документальным принципам изложения»³⁸. Выражается это, по мнению Е. Г. Проценко, в первую очередь в более тесной связи «путешествий» с очерковой традицией.

³⁶Проценко Е. Г. Указ. соч. С. 97.

³⁷Там же.

³⁸Там же. С. 151.

С одной стороны, с сороковых годов можно говорить о большой историко-этнографической насыщенности путешествий. В связи с зарождением и развитием в России этнографии и осмыслением роли путешествия критикой резко возрастает роль элемента научности. Как пишет Е. Г. Проценко,

Требования критики предполагали необходимость объективного подхода к изучению страны и, в частности, изучения социальных, экономических и других проблем ее, предполагали осмысление этих проблем на основе точного знания фактов, а также всестороннюю эрудицию автора-путешественника, знание исторических особенностей развития данной страны, наконец, умение подмечать наиболее характерное в нравах народов разных стран³⁹.

Особенно познавательная функция становится важна, когда дело касается малоизвестных стран. В это же время большое значение приобретают оформляющиеся в это время категории народа. Необходимость насколько это возможно полного описания страны порождает стремление автора к объективности при сохранении личного взгляда. Так, сентиментальная модель путешествия (уже к тому времени сильно изменившаяся и, как показывает Е. Г. Проценко, «заметно трансформированная влиянием романтической поэтики»⁴⁰) сближается и смешивается с моделью научного путешествия. Одна из главных, по Е. Г. Проценко, характеристик путешествия 40-х 50-х годов XIX века — сближение травелогов, в основе которых лежит «субъективно-личное начало» (традиция, идущая от «Писем русского путешественника» Карамзина и «чувствительных» путешествий), и травелогов научно-познавательного характера.

³⁹Проценко Е. Г. Указ. соч. С. 25.

⁴⁰Там же. С. 98.

Во-вторых, одним из важнейших требований к путешествиям в это время становится «требование неперенного отражения современной жизни посещаемых стран, их насущных общественных проблем»⁴¹. Путешествия часто становились площадкой для социально-политической полемики, способом описать и выразить свои взгляды на современные события: «жанр “путешествий” оказался удобным для выявления и обоснования общественно-политических позиций многих авторов, часто являвшихся к тому же видными общественными деятелями. В этот период проблема “Россия и Запад” обсуждалась так остро, как никогда прежде. Многочисленные “путешествия” способствовали, в частности, формированию в русской публике определенных (и зачастую полемически ориентированных) представлений о Европе»⁴². Публицистичность таким образом становится одной из характерных черт травелогов середины века. Часто эта публицистичность находит свое выражение в форме очерка.

⁴¹Проценко Е. Г. Указ. соч. С. 25.

⁴²Там же. С. 37.

Черногория, как мы уже говорили, была практически неизвестна русскому читателю, поэтому неудивительно, что «ранние» травелоги 40-х годов тяготеют к внедрению в текст очерковых фрагментов. При этом, по сравнению с «черногорскими» травелогами 50-х годов, видно стремление авторов выстроить текст как повествовательный нарратив и сконцентрировать внимание более на самом путешествии, нежели на рассуждении на славянскую тему. Во второй половине 40-х годов, когда славянский вопрос приобретает большую огласку (в дискуссии славянофилов и западников о народности южные славяне имели большое значение для славянофильских теорий социально-исторического развития), ситуация меняется. Применительно именно к «черногорским» травелогам можно говорить о тенденции перехода от повествовательного нарратива как организующего стержня текста к социально-историческим, социально-философским, историко-философским обобщениям, во-первых. Во-вторых, в тексте появляется все больше публицистических элементов, «путешествие» становится орудием полемики как с западниками, так и — особенно в 50-х годах — с действиями правительств (как русского, так и западных) в отношении Черногории в частности и славянских Балкан вообще.

Так, ранние травелоги 40-х годов (путешествия Ковалевского 1841 г. и Чиждва 1845 г.) строятся в формате дневника и представляют собой повествовательный нарратив, разделенный у Ковалевского на главы по месту пребывания. У Чиждва глав нет, повествование делится по записям в дневнике (с подписью места и даты или просто даты). Социально-исторические и этнографические описательные вставки таким образом как бы нанизываются на нарратив, но не доминируют над ним.

Самый ранний из рассматриваемых нами травелогов — «Четыре месяца в Черногории» Е. П. Ковалевского — был написан и издан в 1841 г. по материалам поездки 1837 г. Текст построен в форме дневника и представляет собой повествовательный нарратив, разделенный на главы по месту пребывания рассказчика. Сюжетообразующую роль здесь играет само передвижение автора в пространстве, в итоге выстраивается линейный сюжет, на который нанизываются очерково-описательные вставки исторического, этнографического или лирико-философского характера. Часто встречается прием “*mise en abyme*”, или «рассказ в рассказе», когда кто-нибудь из случайных знакомых или попутчиков рассказывает повествователю легенду или исторический анекдот. В этих же фрагментах появляются элементы сказа. Исключение составляют главы: Гл. 2, «Цетин и нынешнее правление Черногории», Гл. 3, «Нынешний и святопочивший владыки Черногории», Гл. 7, «Историческое обозрение Черногории», Гл. 13, «Поединки и кровомщение», Гл. 20, «Общее обозрение Черногории», представляющие собой цельные очерки. Сюда же можно добавить т.н. «Прибавление», «Геологический очерк Черногории». Схожим образом построен и опубликованный в 1845 г. травелог Ф. В. Чиждова «Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году».

В «Путешествии в Черногорию» Попова (1847) уже, во-первых, проявляется тенденция к сворачиванию нарратива, во-вторых, растет публицистический пафос травелога. Одной из целей его поездки было изучить историю Черногории. Важно, что для него, в противовес Ковалевскому, Черногория важна не столько сама по себе, сколько как одна из славянских стран. Необходимостью изучения истории славянских народов и их современного состояния и обусловлен публицистический пафос «Путешествия...»⁴³:

⁴³ Вообще сетования на недостаточное знакомство русских читателей со славянами было одним из общих мест славянофильских этнографических текстов. Ср., например, предисловие к путешествию Гильфердинга.

Причина общего равнодушия, кажется, зависит от того, что мы еще мало знаем прошлую историю и современный быт племен нам однородных. А это, в свой черед, зависит от того, что мы мало знаем и свою прежнюю историю, и современное наше положение. <...> С большим развитием народного самосознания и вопрос славянский более привлечет к себе наше внимание и более возбудит участия. Теперь нам остается только знакомиться с современным бытом славян и прошлую их историю. С этою целью составлено предлагаемое сочинение из тех сведений, которые удалось автору собрать во время путешествия в Черногорию в 1842 году⁴⁴.

⁴⁴Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. XVIII.

Таким образом, цель «путешествия» Попова — написать и преподнести читателю именно исторический очерк, поэтому собственно путешествие (которое строится как повествовательный нарратив) и очерк истории Черногории четко разделены. «Последовательно-маршрутное»⁴⁵ повествование обрамляет очерковую часть, из семи глав повествовательных здесь всего три (по сути — две с половиной), и занимают они около пятой части всей книги. Это первая, предпоследняя и последняя главы, и они описывают приезд Попова в Цетин и, соответственно, его отъезд (Глава 1. Приезд в Рагузу, дорога от Рагузы до Каттаро и оттуда до Цетина; знакомство с владыкою Черногории. Глава 6. Отъезд из Цетина, Нахия рецкая, Скутарское озеро, рассказ о битвах под Жабликом, Черница, походы чет и переезд в Приморье. Глава 7. Приморье, суеверные предания, сохранившиеся в Черногории, отъезд.). Таким образом нарратив обрамляет весь остальной текст (по сути — исторический трактат), и держит его в рамках травелога. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы удержать текст в рамках путешествия; во-вторых, чтобы благодаря нарративному обрамлению придать путешествию занимательности; в-третьих, чтобы возникла «рамочная» композиция, которая подводит читателя к очерку черногорской истории и после помогает логично завершить путешествие отъездом из страны. Этот принцип работает как на уровне всего текста, так и внутри глав: часто повествовательный нарратив помогает ввести «внутренние» очерковые фрагменты. Например, в Главе VII, которая представляет собой рассказ о горном переходе в Кастель-Ластву и отъезде из Черногории, значительное место занимает очерк черногорских «суеверий», который также вводится с помощью нарратива: «Вечером, гуляя с моим хозяином в его саду, нечаянно мы заговорили о суевериях, существующих у черногорцев и приморцев. Постараюсь передать собранные мною сведения об этом предмете»⁴⁶.

⁴⁵ Термин Е. Г. Проценко.

⁴⁶ Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 211 – 212.

Тексты 50-х годов (травелоги Чиждова 1857 г. и Ковалевского 1858–1859 гг.) продолжают тенденцию к сворачиванию нарратива. «Записки путешественника по славянским землям» Чиждова, опубликованные в 1857 г. в «Русской беседе», основаны на дневниковых записях Чиждова за 1843 и 1844 гг., но ими далеко не исчерпываются. Вообще сам Чиждов уже в предисловии пишет:

Во многих из славянских стран я бывал по несколько раз, но, не имея в виду изучения страны <...>, я не заботился о собрании подробных сведений: иногда я вел дневник, иногда же делал только общие заметки. Поэтому я буду так же и передавать узнанное мною о славянах, иногда в виде общих описаний страны, иногда в виде непрерывного путешествия.⁴⁷

В итоге дневниковая структура ранних текстов Чиждова разрушается почти во всем тексте «Записок...», и большую часть текста составляют описания географические, этнографические, исторические экскурсы, изображение амфитеатра в городе Пола, рассуждения Чиждова о местной экономике, о земледелии и т.д. Но главное место здесь занимает изложение теорий Чиждова о славянском братстве, о судьбе славянства и о различии между славянами и неславянами. Они рассеяны по всему тексту и составляют смысловой центр повествования. Нарративные же части здесь используются скорее для того, чтобы облегчить переход между темами (повествователь перемещается — новая тема).

⁴⁷ Чиждов Ф. В. Заметки путешественника по славянским странам // Русская беседа. 1857. № 1. С. 8.

У Ковалевского текст делится на две части. Первая опубликована в № 1 «Русской беседы» за 1858 год. Повествование здесь выдерживается в мемуарном ключе и тяготеет скорее к описательным текстам. Травелог представляет собой очерки городов и их истории с редкими нарративными вставками, которые в основном носят иллюстративную функцию и вводятся выражениями типа «Однажды...», «Всякий раз, когда я был...» и т.п. В тексте практически нет указаний на конкретное время событий (событие служит для иллюстрации типа). Употребляется в основном настоящее время, используются обращения к читателю и советы путешественникам, например: «Если хотите унести из Зары более приятные впечатления, взойдите на старинную башню, находящуюся возле дома генерал-губернатора»⁴⁸. Получается, «Путевые заметки...» представляют собой очерки об отдельных городах и окрестных народах. Переходы между главами и городами есть не всегда, обычно переходом служит нарратив об особо запомнившейся поездке или сама возможность передвижения, например, описание маршрута парохода:

⁴⁸ Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1858. № 1. С. 9.

В первый раз пароход останавливается в Лессино, но только на полчаса. Это небольшой городок, тысячи в две с половиною жителей, но очень богатый. <...> Затем часу в 4-м вечера на другой день, т.е. часов через 48 по выходе из Триеста, приезжают в Зару.⁴⁹

Друг с другом эти фрагменты не пересекаются, нет какой-то одной линии повествования. По сути, здесь Ковалевский создает своего рода путеводитель по славянской Адриатике, он начинается в Триесте и заканчивается — первая его часть — в Катаро (сейчас Котор), портовом городе на границе с Черногорией.

Вторая часть «Путевых записок» опубликована в № 5 «Русской беседы» (1859). Здесь уже речь идет о конкретной командировке Ковалевского в Черногорию: в 1853 г., после нападения Омера-паши на черногорцев, он был отправлен туда комиссаром и вел мирные переговоры. С самого начала резко меняется повествование; по сравнению с первой частью, появляется конкретное время:

49 Там же, С. 5.

Война была в полном разгаре. Черногория, чуть не в двадцатый раз после падения Сербского царства на Косовом поле, отстаивала свою независимость против турецких войск. <...> Черногорцы дрались один против четырех; исход войны был, конечно, неизвестен; но они решились скорее погибнуть, чем уступить свою свободу. <...> Как ни торопился я, однако все-таки около десяти дней проехал от Петербурга до Каттаро. На день остановился в Вене, и то чтобы видеться с графом Буолем, представиться императору и получить дальнейшие наставления...⁵⁰

⁵⁰Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1859. № 5. С. 1.

Повествователь опять проходит тот же самый путь: Триест — Зара (Задар) — Рагуза (Дубровник) — Кагель-Ново — Каттаро (теперь уже с указанием на конкретное время действия) и продолжает его через Будву, Пастровичи и турецкий Антивари (Бар), Скутари (Шкодер), по Скутарскому озеру и в Подгорицу, где проходили переговоры. Если первый текст можно было определить как описательный очерк с вкраплениями нарративных фрагментов, во второй части основное место занимает повествовательный нарратив с очерковыми вставками, но при этом текст приобретает черты политического памфлета. Приведем цитату оттуда:

Трудно дать правильную организацию стране, не обеспечив ей даже физического существования. Предоставьте свободной исход ее деятельности, и она, конечно, променяет ружье на менее безопасное орудие для добывания средств жизни.. Разбейте же эти железные затворы черногорцев; дайте им море, дайте хоть один порт, куда бы они могли безбоязненно, во всякое время, привозить скудные свои произведения и где бы могли запастись всем необходимым для первых своих потребностей.⁵¹

Подобное обилие императивов сложно представить как в тексте 1841 г., так и в тексте 1858 г.

Таким образом, можно говорить о переходе от исторического очерка как дополнения к нарративу к нарративу как вспомогательному элементу, который поддерживает текст в статусе «путешествия».

⁵¹ Там же. С. 12.

Сходным образом меняется направленность авторской интенции. Для первого черногорского травелога Ковалевского характерен тон светской беседы:

Вступая в непринужденный разговор с читателями, Ковалевский в то же время проявляет к определенной их категории снисходительно-ироничное отношение. Он как бы третирует читателя, которому скучны долгие отступления от собственно дорожных приключений, который не способен понять эмоционально выраженное восхищение автора народными легендами и балладами⁵².

В славянофильских травелогах 40-х годов («Путешествие в Черногорию» Попова и «Отрывки из дневных записок...» Чиждова) меняется роль повествователя, теперь его цель — не просветить и развлечь, а просветить и склонить на свою сторону. Уже Попов прямо эксплицирует это в своем введении:

Теперь нам остается только знакомиться с современным бытом Славян и с прошлою их историею. С этою целию составлено предлагаемое сочинение из тех сведений, которые удалось автору собрать во время путешествия в Черногорию в 1842 году»⁵³.

К концу 50-х годов эта тенденция только усиливается. Во-первых, у славянофилов появляется свой печатный орган — журнал «Русская беседа». Во-вторых, усложняется политическая ситуация на Балканах. Вследствие этого увеличивается степень публицистичности в черногорских травелогах, о чем уже было сказано выше.

⁵²Проценко Е. Г. Указ. соч. С. 137-138.

⁵³Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. XVIII.

Глава 3. Черногория на карте. Образ черногорца.

К началу XIX века в русском сознании уже складывается своеобразный образ «черногорца», который пока еще довольно сложно отделить от образа «серба» или от собирательного образа «турецких славян». Этот образ складывался в основном под влиянием просветительских народоописательных традиций XVIII века на пересечении двух моделей этноса: «географической», сложившейся под влиянием в первую очередь Ж.-Б. Дюбо и Ш.-Л. Монтескье, где совокупность свойств, приписываемых народу, выводится из его географического положения, и «этнической», где действует «генетическая метафора», которая строится на «на допущении, что народы, происходящие от одного предка, должны иметь сходные свойства»⁵⁴.

Как пишет историк этнографии Ю. Л. Слѣзкин,

...главной заботой эпохи Просвещения был порядок *внутри* рода человеческого. Люди были организованы в народы, и каждый народ необходимо было детально (а, значит, достоверно) описать, чтобы установить форму «естественного общества» и проследить за ростом наук и искусств. Каждое описание «народа» предполагало определенную — но редко обсуждавшуюся — структуру общественного существования (от рождения до смерти); составив каталог всех ингредиентов человеческой жизни одного народа, ученый знал «все» и мог переходить к описанию другого народа⁵⁵.

Таким образом создается довольно статичная картина мира, где каждый народ обладает определенным, также статичным набором характеристик.

⁵⁴ Куприянов П. С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 32.

⁵⁵ Слѣзкин Ю. Л. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. М.: 2005. С. 123.

Образ черногорца (которые тогда часто объединялись путешественниками с другими южными славянами под именем «сербов» или «задунайских славян») в начале XIX века строился в основном по лекалам руссоистского типа «благородного дикаря» — человека, не испорченного цивилизацией. Для него характерен целый комплекс иногда противоречивых черт — жестокость, необразованность, воинственность, но при этом внутреннее благородство, единение с природой, чистота нравов, доброта и почитание старших: «Храбрый в бою, он нежен в семье. Независимость сочеталась с простым существованием и здоровым наслаждением дарами природы. Индеец, короче говоря, жил жизнью свободы, простоты и невинности»⁵⁶. Второй вариант репрезентации был связан с антиквизацией южных славян и «питался метафорой Спарты либо образами былинной старины»⁵⁷. Так, например, в описании Черногории, сделанном В. Г. Броневским в «Записках морского офицера», можно увидеть черты обоих типов:

⁵⁶Федин А. Ф. Идея «благородного дикаря» в «Иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 68.

⁵⁷Белов М. В., Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX в.: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских. СПб.: 2011. С. 52.

Не стану входить в подробности гостеприимства черногорцев; оно должно удивить и русского, но скажу, что наиболее сделало на меня впечатление. Я видел *Спарту* (*курсив здесь и далее наш — Е. О.*), видел в полном смысле слова республику, отечество равенства и истиной свободы, где *обычаи* заменяют закон, *мужество* стоит на страже *вольности*, несправедливость удерживается мечом мщения, удивлялся возвышенности духа, горделивости и смелости того народа, которого имя наводит страх всем их соседям. Образ же их жизни, *неиспорченность нравов* и *отчуждение всякой роскоши* истинно достойны всякой похвалы. Три дня, проведенные мною между ими, я, так сказать, перенесен был в новый мир и познакомился с предками моими 9-го и 10-го столетия, видел пред собою простоту патриаршеских времен, беседовал с Ильей Муромцем, Добрыней и другими богатырями нашей древности. *Дикость характера, жестокость* против неприятелей побуждает их вести непрерывную войну против всех соседей, ибо, довольствуясь своими произведениями и не имея в них надобности, находят для себя оную полезным упражнением. Сей обычай, проистекающий от *необразованности*, перевешивается *чистотой нравов, повиновением к родителям и семейственным счастьем*»⁵⁸.

⁵⁸Броневский В. Б. Записки морского офицера... Ч. 1. СПб., 1836. С. 192–193.

Образ «благородного дикаря» сохраняется в описании черногорцев вплоть до 40-х гг. XIX в. В 20-30-е гг. он несколько сближается с романтической топикой и приобретает «ориентальные» черты. Примечательно, что тогда же южнославянская тема начинает возникать в художественной литературе («Песни западных славян» Пушкина, Вулич Лермонтова). В. В. Мароши в статье «Сербский и кавказский тексты русской литературы» утверждает, что для «балканского текста» в XIX в. начинают применяться те же приемы, которые активно применялись для изображения кавказских горцев:

...в России в XIX в. уже была своя «бесконечная война» — Кавказская, получившая продолжение в конце XX в. Ее можно сравнивать с балканскими войнами в силу длительности, схожести рельефа и климата, столь контрастных по отношению к равнинной России, этнической пестроты и аграрной отсталости населения, конфессионального конфликта (мусульманство и христианство), к которому на Балканах добавляются еще и вражда между православными сербами и католиками-хорватами; жестокости конфликтующих сторон, наконец, экзотичности, свойственной скорее культуре Востока, чем европейским Балканам. Эта очевидная историческая и экзотическая параллель крайне значима для «балканского текста» в русской литературе: сербы тоже предстают в нем дикими и бесстрашными «православными горцами», которые борются за свою свободу от Турции и Австро-Венгрии. Романтизация сербов разворачивалась по тем же фигуративным и мотивным линиям, что и поэтизация «гордых сынов Кавказа»⁵⁹.

⁵⁹Мароши В. В. «Сербский» и «кавказский» тексты русской литературы: мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. 2012. Вып. 16. С. 298–299.

Мароши выделяет основные мотивы, сопутствующие как кавказскому, так и балканскому текстам: «стремление к свободе, героизм, богатырство, необыкновенная преданность вере, своему роду, народу и Родине, разлука с ней (серб в изгнании, за границей), дикость, бестиализация, самоотверженность в бою с превосходящим противником, игра на равных со смертью, мобильность персонажа»⁶⁰. Эти же мотивы используются при описании черногорцев.

⁶⁰Там же. С. 299.

С 40-х гг., однако, этот набор признаков начинает меняться. Образ «благородного дикаря» начинает перестраиваться в соответствии со славянофильскими представлениями о черногорцах как членах идеализированного славянского братства.

Для начала рассмотрим, как разные авторы классифицируют и разделяют черногорцев и окружающие их народы. Самый ранний из рассматриваемых нами травелогов — «Четыре месяца в Черногории» Ковалевского (1841). Как справедливо отмечает Е. Г. Проценко,

...идеи, во многом близкие к славянофильским, окрашивают и отчасти даже организуют описание Черногории и характеристику ее народа <у Ковалевского — Е. О.>. Он стремится подчеркнуть родство, близость двух славянских народов⁶¹.

Но при этом для Ковалевского не существует какой-либо особой славянской общности, он мыслит в категориях «Запад — Восток», и Черногория для него скорее экзотическая азиатская страна, сродни романтическому Кавказу. «Славянство» для него — один из рядовых признаков, и место народа на «карте» определяется скорее культурными сходствами и отличиями.

Ковалевский, в отличие от славянофилов Попова и Чижова, неоднократно упоминает о «восточных» чертах черногорцев, употребляя те топосы, с помощью которых обычно описывались турки. Ковалевский неоднократно сравнивает черногорцев с казаками, с киргизами, с горными народами и азиатами вообще:

⁶¹Проценко Е. Г. Указ. соч. С. 94.

Простое, патриархальное обращение возвышало его <Петра I Негоша — Е. О.> характер и, соединенное с даром сильной и убедительной речи, увлекало за собою собеседников, которые никогда не замечали проглядывавшей в его орлином взоре недоверчивости, отличительной черты черногорцев и вообще всех *восточных* <курсив здесь и далее мой — Е. О.> народов;⁶²

...жена не приносит с собою приданного в дом новой семьи, и нередко она покупается как между *азийскими* народами;⁶³

...чета — неприятельский набег, почти то же, что баранта киргизов;⁶⁴

...черногорцы, как все *азиатцы*, ничему не удивляются или, лучше сказать, никогда не выказывают своего удивления: им все обычно».⁶⁵

Ковалевский постоянно подчеркивает параллелизм между черногорцами и окружающей их природой:

Время протекло обычной чередой: те же труды и заботы, та же борьба с дикою природою, которой тайн допытывался я; то же отдохновение в кругу народа *дикого*, но вместе прекрасного в его первобытной простоте.⁶⁶

62 Ковалевский Е.П. Четыре месяца в Черногории // Ковалевский Е.П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Черногория и славянские земли. СПб., 1872. С. 17.

63 Там же, С. 37.

64 Там же, С. 25.

65 Там же, С. 127.

66 Там же, С. 36.

Если рассматривать пространство, представленное в травелогах, можно выделить две модели оппозиции, по которым выделяются группы населения и, соответственно, выделяются «черногорские» земли: «этническая» (славянский — неславянский по происхождению, сюда же входит язык) и «конфессиональная» (христиане — мусульмане, православные — неправославные). В «Четырех месяцах...» репрезентируются обе оппозиции, но определяющее значение все-таки имеет оппозиция «славянский — неславянский». Ковалевский говорит об итальянском влиянии на приморские города и называет иногда количество православных, католиков и магометан, но никаких выводов из этого не делает.

В славянофильских травелогах определяющее значение имеет сочетание обоих признаков, и противопоставление строится по схеме «православные славяне — все остальные». Таким образом, более ранняя дихотомия «Восток — Запад» меняется на трехчленную схему «Восток — Славянство — Запад», где славяне противопоставляются и тем, и другим. Важно причем именно сочетание обоих признаков: и этнического, и конфессионального. Так, приморские славяне-католики называются «итальянцы» или «венецианцы» и из «славянства» уже даже номанативно исключаются. Особенно сильно это эксплицируется у Попова. Так, например, он описывает Рагузу (Дубровник), подавляющая часть населения которой исповедовала католичество:

Рагуза более всех поддалась чуждому влиянию. <...> Развилась аристократия, замолкла общинная славянская жизнь и народ стал жалким данником своих соотечественников: католическая пропаганда проникла вместе с итальянскими нравами, — почти все жители Рагузы изменили старой вере, как называют сами далматические католики восточное православие. <...> вскоре все жители сделались латинами и — Рагуза *погибла* (*курсив наш* — Е. О.)⁶⁷.

⁶⁷ Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 6 – 7.

Третий признак, с помощью которого в травелогах определяется черногорец, — «неиспорченность» языка. Уже Ковалевский обращает внимание на «чистоту» языка черногорцев:

...между тем как речь серба испещрена множеством иностранных слов, особенно турецких, язык Черногории остался в первобытной красе своей, как и самый ее характер. Только несколько иностранных слов, итальянских и турецких, занесено сюда вместе с иностранными предметами, для которых не нашлось сербских названий⁶⁸.

Для Попова и Чиждова, как для славянофилов, «чистота» языка наряду с религией имеет практически первостепенную важность. Вслед за Хомяковым оба они пишут о некоем идеально-чистом «славянском языке», который, по их наблюдениям, сохраняется у черногорцев, а у славян, населяющих прибрежные территории и давно контактирующих с Италией, «испорчен». Вот что, например, пишет Чиждов о языке жителей окрестностей Триеста (Ковалевский позже с иронией назвал его «самым космополитическим городом в Европе»⁶⁹):

Народ говорит по-славянски, но таким искаженным наречием, что мы не в состоянии понимать его: множество введено в него слов итальянских, как, например, *ура* — час (от итальянского *ора*); да и самые славянские часто до того изменены, что едва доберешься до их значения⁷⁰.

Заимствования, таким образом, понимаются как искажение языка. Единство языка связывается как с единством народного самосознания, так и с успешным государственным управлением. И Ковалевский, и Чиждов, и Попов пишут о разнородности и разрозненности населения и правительства Истрии и Далмации:

⁶⁸ Ковалевский Е. П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. С. 15.

⁶⁹ Ковалевский Е. П. Путевые записки по славянским землям // Русская беседа. 1858. № 1. С. 2.

⁷⁰ Чиждов Ф. В. Заметки путешественника по славянским странам // Русская беседа. 1857. № 1. С. 29.

Даже теперь, несмотря на единство государственного управления, в жизни ярко выступают множество разнородных начал, которые с первого взгляда поражают путешественника. Взойдя в любой Далматинский город, <...> получим четыре языка, из которых каждый имеет право на гражданство. Немецкий — как язык правительства, итальянский — как язык образованного класса далматинцев, давно уже обитальянившихся и смешанных с итальянцами; латинский — как язык латинской церкви и учености, и наконец сербский — как язык всего народа⁷¹.

Так возникает еще одно противостояние — языковое: «чистое» черногорское наречие противопоставляется «искаженному» языку жителей Адриатического побережья, «славянский» язык «народа» противопоставляется итальянскому, на котором преимущественно говорят знать и горожане, и немецкому языку австрийских военных и чиновников.

Вместе с этими признаками поляризуются и другие. Например, восточная бестиальная храбрость и способность долго бороться с превосходящим противником «достается» черногорцам. Вообще, храбрость становится одной из определяющих черт черногорца. Попов определяет Черногорию как страну, «богатую образцами храбрости, любви к родине, ее свободы и независимости»⁷². В травелогах содержится довольно много анекдотов о стычках черногорцев с турками, и в подавляющем большинстве этих рассказов турки количественно сильно превосходят черногорцев, и только за счет «отчаянной храбрости» черногорцам удается одержать победу; заканчивается все обычно тем, что «турки бегут без оглядки». При этом, если турки обычно отмечаются как достаточно серьезный противник, к рассказам о стычках с австрийцами примешивается доля иронии. У Попова, например, есть анекдот о небольшом сражении, которое началось из-за того, что австрийские солдаты приняли женщину с вязанкой соломы за поджигателя и застрелили ее:

⁷¹ Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 5.

⁷² Там же. С. 76.

Около сумерек прекратилась битва. Владыка послал своего брата Григория Петровича, и он заключил перемирие. Когда разменивались убитыми, черногорцы взяли своих и перешли на свою сторону, сердарь предложил и австрийцам взять своих, но полковник гордо сказал, что у них нет убитых. «Какие-то 13 человек лежат на нашей стороне, не в нашей одежде», — отвечал сердарь. Когда австрийские солдаты пришли поднять убитых, многие из них падали в обморок при виде мертвых тел. Это очень сильно подействовало на черногорцев и внушило им необыкновенное презрение к своим противникам.⁷³

При этом по ряду признаков католиков часто соотносят с турками: так, например, постоянно подчеркивается, что черногорцы никогда не нарушают данного слова, в то время как туркам и католикам (как далматинским славянам, так и итальянцам) приписываются вероломство и неверность собственному слову:

...это было лет пятнадцать тому назад, турки захватили в плен пять женщин и в том числе сестру этого воеводы и попросили 300 талеров выкупа оружием или деньгами. <...> Вообще напасть на женщину считается большим стыдом и на такой поступок редко решаются даже и турки⁷⁴;

во время Саввы (в 1623 году) Венеция начала войну с турками, и пригласила черногорцев соединиться с нею против общего врага. Черногорцы соединились. Зано Грибич с полутора тысячами венецианцев вступил в Черногорию и соединился с ее войсками. Но лишь только Сулейман Паша Скутарский напал на них во время самого боя, венецианцы удалились в свои пределы и выдали черногорцев⁷⁵.

⁷³ Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 206.

⁷⁴ Там же. С. 34.

⁷⁵ Там же. С. 75.

Интересно посмотреть, как некоторые топосы взаимодействуют с разными типами повествования. Исторический или этнографический очерк в травелоге обыкновенно строится как статичное описание, и поэтому проще «впускает» в свою структуру застывшие мотивы. В славянофильских травелогах очерковые фрагменты часто служат определенной цели: не только познакомить читателя с историей Черногории, ее бытом и традициями, но и настроить его прочерногорски и прославянски. Нарративное повествование, с другой стороны, обладает более гибкой структурой и не так жестко регламентирует свою топику, поэтому именно в «нарративных» частях «программные настройки» образа черногорца могут сбиваться.

Приведем пример. А. Н. Попов в очерке черногорской истории уделяет довольно пристальное внимание традиции кровной мести. Набеги и убийства из мести совершают и черногорцы, и турки, но в описании тех и других есть несколько особенностей. Так, во всех повествованиях о набегах «зачинщиками» оказываются турки, причем совершают они обычно какой-нибудь особо «коварный» поступок: это может быть нарушение мирного договора или нападение на женщину, что, как пишет Попов, «преступление выше всякой меры в глазах черногорца»⁷⁶. Черногорцы, таким образом, обычно выступают в роли защитников своих территорий и их жителей. Попов в Главе V, посвященной черногорскому праву, пишет, что «чета допускается только в том случае, когда она отмщает туркам за оскорбление, нанесенное кому-нибудь из черногорцев»⁷⁷, но в Главе VI, где рассказывается об отъезде из Черногории, приводит такой эпизод:

⁷⁶Попов А. Н. Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. С. 206.

⁷⁷Там же. С. 143.

...мы сидели вокруг огня, пили кофе, читали песни и разговаривали. Наконец Джуро обратился ко мне с вопросом: «Ты никогда не резал туркам голов?» «Никогда», — отвечал я. «Так ты проживешь век девочкой, — сказал он, помолчав немного, и потом прибавил, заботясь о моей славе: — Вот скоро пойдет чета в Скадру, поди с ними!». Походы чет, несмотря на мир, часто случаются на границах: частные обиды большею частью бывают причиною таких походов; а иногда просто за пирушкой после рассказов об юнацких подвигах закипит южная кровь, соберутся несколько человек и пойдут на промысел»⁷⁸.

Здесь наглядно видно, как строится образ черногорцев в нарративном повествовании по сравнению с очерком: если в «программной» части необходимо выдерживать образ «благородного славянина», в «путешествии» как таковом это необязательно.

В текстах 50-х гг. по сравнению с ранними тревеллогами начала 40-х наблюдается заметный сдвиг на мотивном уровне в сторону славянофильской риторики. Интереснее всего, как нам кажется, было бы проследить подобные изменения на примере работ Е. П. Ковалевского, который славянофилом не являлся.

Для Ковалевского времен «Четырех месяцев в Черногории» особое значение имеет мотив богатырства, «юнацтва». Сербские четы — мелкие набеги на турок — представляются по большей части как веселое удалство. В «Записках...» 1859 г., однако, этот и подобные мотивы довольно сильно изменяются.

⁷⁸Там же. С. 189.

Рассмотрим этот процесс на примере мотива отрубленной головы. Вообще, этот мотив появляется в путешествиях уже в начале XIX в. П. П. Свиньин в своих воспоминаниях жалуется, что черногорцы никак не могут отвыкнуть, «несмотря на увещания и запрещения митрополита, от ужасной азиатской привычки — грабить и резать головы у побежденных ими неприятелей, которые хранят они как главные драгоценности в домах своих»⁷⁹. В 40-е гг. отрубленные головы также постоянно появляются на страницах «черногорских» травелогов, причем в роли декапитаторов выступают как турки, так и черногорцы. У Ковалевского в «Четырех месяцах...» этот мотив также возникает неоднократно:

⁷⁹ Свиньин П. П. Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря // Сын Отечества. 1816. Часть 34. № 47. С. 62.

...голова Кара-Махмута и теперь хранится в церкви Цетинского монастыря как трофей и как залог народной независимости⁸⁰;

...наши и турки смешались, не узнавали своих, резались ятаганами, <...> иному в этот день удалось отрезать до шести турецких голов <...> пуля подоспела к Петру, прямо в висок; мы выручили его голову от турков <...> На этом самом месте Савва Петрович отрезал аге Мустафе Алиеву голову. Видно, святопочившему Василию угодно было показать чудо <...> Савва уже отрезал восемь голов, как вдруг встретился с агою, и они стали друг против друга, как заколдованные⁸¹;

Вы смеетесь моей связи с попом Иваном, человеком без всякого образования, которого страсти ограничиваются одною войною, а желанья — чаркой ракии, которого честолюбие измеряется числом отрезанных голов⁸²;

...предоставляю читателю вообразить монастырские стены, украшенные этою нитью голов, выставленных напоказ; в глазах морачан они были милее нити бурмицкого жемчугу⁸³.

⁸⁰Ковалевский Е. П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. С. 60.

⁸¹Ковалевский Е. П. Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841. С. 80.

⁸²Там же. С. 105.

⁸³Там же. С. 114.

Однако в «Путевых записках...» (1858–1859) образ черногорца «выправляется», исчезают коннотации с дикими народами, с жестокостью. Отрубленные головы еще появляются, но только у турок, и описаны они теперь скорее с ужасом, нежели с бравадой:

...губернатор Подгорицы, столь известный своим зверством Али-спаги, с толпою мусульман напал на церковь, взял ее с бою, разрушил до основания, перебил всех людей, запершихся в ней, — не удовольствовался этим — разрыл кладбища, огрубил головы у мертвых тел и разослал их по всем окрестностям, приказав выставить у въездов в деревни⁸⁴;

...в округе Подгорицы и думать нечего устроить что-нибудь. Одни развалины видны здесь повсюду! Только для нашего проезда сняты были человеческие головы с высоких шестов, на которых торчали они, но запекшаяся кровь еще виднелась на шестах!..⁸⁵

Более того, азиатские черты черногорцев, которые прежде Ковалевский неоднократно подчеркивал, больше не выносятся в текст. Ковалевский напрямую ведет полемику с некими людьми, употребляющими эпитет «дикий», по отношению к черногорцам: «А нравы, обычаи, образ жизни? Это дикие, скажут вам их соседи. Я думаю иначе. При виде их судьбы невольно сжимается сердце и недостает духу распространяться о внешней стороне их»⁸⁶.

Вместо юнацтва на первый план выходят мотивы жертвенности и трагичности угнетенного положения черногорцев и «турецких христиан», что уже ранее было зафиксировано в славянофильских травелогах. Как нам кажется, это важное замечание, учитывая, что «Записки» Ковалевского печатались в главном печатном органе славянофилов — «Русской беседе».

⁸⁴Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1859. № 5. С. 34.

⁸⁵Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1859. № 5. С. 35.

⁸⁶Ковалевский Е. П. Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1858. № 1. С. 24.

Заключение

В рамках выпускной квалификационной работы на примере русских путешествий по Черногории 40-50-х годов XIX века были рассмотрены особенности репрезентации образа Черногории и «черногорца» в русском травелоге этого периода. Мы определили, как под влиянием идеологических установок славянофилов меняются методы изображения Черногории и черногорцев и, наоборот, как предшествующий 1840-м годам «канон» описания черногорцев влияет на экспликацию идеологических представлений авторов.

Таким образом, в первой главе мы пришли к тому, что всплеск публикаций «южнославянских» травелогов в 40-50-х гг. XIX в. был вызван различными причинами, среди которых изменение жанровых установок русского травелога, оформление российской этнографии и тот факт, что путешествие в середине XIX века становится одной из платформ, в рамках которых обсуждаются социально-политические вопросы. Однако главной причиной возникновения большого количества южнославянских травелогов было возникновение и развитие славянофильского движения.

В связи с этим выводом во второй и третьей главах мы попытались понять, как под влиянием славянофильских воззрений изменяется структура и поэтика черногорского травелога середины XIX века.

Мы выяснили, что в период от 40-х к 50-м годам в связи с обострением восточного вопроса и благодаря тому, что в 50-х годах славянофилы получили возможность печатно обсуждать и формулировать свою концепцию международных отношений, главная роль в тексте травелога переходит от обычного для «путешествий» 40-х годов повествовательного нарратива с очерковыми вставками к социально-философским обобщениям, травелог приобретает элементы политического трактата, увеличивается роль публицистической составляющей.

Дальнейшее изучение южнославянских травелогов может вестись в нескольких направлениях. Во-первых, нужно сказать, что нами затронута лишь очень небольшая часть балканского материала, представляющего большой интерес для исследователей: многие материалы публиковались и в других изданиях; значительное количество важных источников, таких, например, как дневник Ф. В. Чижова, не опубликованы и хранятся в архивах (НИОР РГБ, РНБ, РГИА и др.). Во-вторых, исследования в нашей области позволяют вписать «черногорские» литературные путешествия в более широкий контекст русского травелога и по-новому взглянуть на многие значимые аспекты истории этого жанра. В-третьих, большой интерес представляют исследования имагологического аспекта травелога, благодаря которым можно выяснить, каким образом, при каких обстоятельствах и с какими целями русские путешественники XIX века формировали у своих читателей образы «чужих» народов. В-четвертых, перспективным направлением для исследования «путешествия» является изучение взаимовлияния литературы и идеологии: как показало наше исследование, жанр травелога оказался удачной формой для выражения политических убеждений русских славянофилов, однако можно предположить, что не менее значительным было и влияние на жанр других идеологий. Это ведет к постановке вопроса о том, насколько литературное воображение авторов травелогов определяло политическое мышление идеологов российского государства.

Список литературы

Источники

1. *Броневский В. Б.* Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н.Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818-1819. Ч. 1-4.
2. *Гильфердинг А. Ф.* Босния. Путевые заметки: (Письма к А. С. Хомякову) // Русская беседа. 1858. № 1–4; 1859. № 1 – 2.
3. *Ковалевский Е. П.* Путевые записки о славянских землях // Русская беседа. 1858. № 1. 1859. № 5.
4. *Ковалевский Е. П.* Четыре месяца в Черногории. СПб., 1841.
5. *Ковалевский Е. П.* Четыре месяца в Черногории // Ковалевский Е. П. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. Черногория и славянские земли. СПб., 1872.
6. *Панов В. А.* Путешествие по землям западных и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации. М., 1844.
7. *Попов А. Н.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847.
8. *Свиньин П. П.* Воспоминания о плавании российского флота под командою вице-адмирала Сенявина на водах Средиземного моря // Сын Отечества. 1816. Часть 34. № 47.
9. *Чижов Ф. В.* Отрывки из дневных записок во время путешествия по Далмации в 1843 году // Москвитянин. 1845. № 7–8.
10. *Чижов Ф. В.* Заметки путешественника по славянским странам // Русская беседа. 1857. № 1–2.

Научная литература

11. *Баскаков В. Н.* Ковалевский Егор Петрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992. С. 576–577.
12. *Белов М. В.* Русские путешественники и дипломаты на Балканах в первой половине XIX века: типология и эволюция описательных стратегий // Человек на Балканах глазами русских. СПб.: Алетейя, 2011. С. 38–65.
13. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
14. *Гуминский В. М.* Открытие мира, или Путешественники и странники. М.: Современник, 1987. 284 с.
15. *Ивашина Е. С.* О специфике жанра путешествия // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16.
16. *Куприянов П. С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.
17. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 484–564.
18. *Мароши В. В.* «Сербский» и «кавказский» тексты русской литературы: мотивы, тропы и архетипичность персонажей // Критика и семиотика. Вып. 16, 2012. С. 298–299.
19. *Маслова Н. М.* Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980. 116 с.
20. *Михельсон В. А.* «Путешествие» в русской литературе. Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, 1974. 108 с.

21. *Никитин С. А., Савицкий В. В.* Русский историк А. Н. Попов и его монография «Отечественная война 1812 года» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009.
22. *Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
23. *Пономарев Е. Р.* Типология советского путешествия. Советский путевой очерк 1920–1930-х годов: монография. СПб., 2011. 275 с.
24. *Проценко Е. Г.* Литература «Путешествий» в России в 1840-1850-е годы. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. н. Л., 1984. 221 с.
25. *Роботи Т.* Литература «путешествий» // «Младоформалисты»: Русская проза. Сост. Ян Левченко. СПб.: Петрополис, 2007. С. 104-127.
26. *Слезкин Ю. Л.* Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 120–154.
27. *Сурнина Е. А. Ф. В.* Чижов — журналист (журнал «Вестник промышленности», газета «Акционер»). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. н. М., 2010. 334 с.
28. *Эдвард В. Сауд.* Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунов и К. А. Крылова. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.
29. *Травников С. Н.* Путевые записки петровского времени (Проблема историзма): Учебн. пособие. М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1987. 98 с.
30. *Федин А. Ф.* Идея «благородного дикаря» в «Иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. №32. М., 2010. С. 65-93.

31. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц., комм. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
32. Шенк Ф. Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 42–61.
33. Шенле, Андреас. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790—1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
34. Adams P. G. Travel Literature and the Evolution of the Novel. Lexington: The University Press of Kentucky, 1983. 365 p.
35. Bakić-Hayden, M. Nesting Orientalisms: The Case of Former Yugoslavia // Slavic Review. Vol. 54. № 4 (Winter, 1995). P. 917 – 931.
36. The Cambridge Companion to Travel Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 338 p.
37. Scott D. Semiotics of Travel. From Gautier to Baudrillard. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 235 p.
38. Todorova M. Imagining the Balkans. New York: Oxford University Press, 1997. 288 p.